

Региональная экономика Regional economy

Научная статья
УДК 332.1
DOI: 10.14529/em250102

КАЧЕСТВЕННЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

А.А. Копченев^{1,2}, *a.a.kopchenov@yandex.ru*

А.В. Дубынина¹, *avdubynina@fa.ru*

Н.С. Согрина¹, *nssogrina@fa.ru*

¹ Уральский филиал Финуниверситета, Челябинск, Россия

² Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Миассе, Миасс, Россия

Аннотация. В статье исследована взаимосвязь показателей конкурентоспособности муниципальных районов, целью исследования являлось формирование модели обретения муниципальными районами конкурентных преимуществ. Предмет исследования – нечеткие связи экономических результатов развития данных территорий, представленный показателем величины потребительских расходов, и совокупности факторов, характеризующих конкурентные преимущества. Основным методом исследования является метод качественного сравнительного анализа, позволяющий получить комбинации факторов, которые обеспечивают получение заданного результата функционирования территории. Гипотеза исследования состоит в том, что уровень экономического развития муниципального района определяется совокупностью факторов его конкурентоспособности. Исследование проведено на базе муниципальных районов Челябинской области. В статье обоснован выбор факторов конкурентоспособности, обоснован результативный показатель и метод качественного сравнительного анализа для построения целевой функции. Определены граничные значения и диапазон каждой из пяти факторных переменных, для каждой модели определены параметры согласованности и покрытия, проверка истинности первоначальной модели, которая характеризуется достаточно высокими показателями согласованности. Установлено, что минимальные значения результативного признака, которые характеризуют невысокий уровень конкурентоспособности территории, обусловлены отсутствием крупных городов на территории муниципального района в сочетании с низкой транспортной доступностью, незначительной инвестиционной активностью территории, отсутствием курортно-рекреационных зон. Полученная модель объясняет причины истинности конкурентных преимуществ для 14 из 19 муниципальных районов Челябинской области, практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для муниципальных и региональных органов власти по повышению конкурентных преимуществ муниципальных районов и разработке направлений и инструментов их поддержки.

Ключевые слова: муниципальный район, конкурентоспособность, конкурентные преимущества, формирование конкурентных преимуществ, качественный сравнительный анализ

Для цитирования: Копченев А.А., Дубынина А.В., Согрина Н.С. Качественный сравнительный анализ в оценке конкурентоспособности муниципальных районов Челябинской области // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2025. Т. 19, № 1. С. 17–31. DOI: 10.14529/em250102

Original article
DOI: 10.14529/em250102

QUALITATIVE COMPARATIVE ANALYSIS IN ASSESSING THE COMPETITIVENESS OF MUNICIPAL DISTRICTS OF THE CHELYABINSK REGION

A.A. Kopchenov^{1,2}, a.a.kopchenov@yandex.ru

A.V. Dubynina¹, avdubynina@fa.ru

N.S. Sogrina¹, nssogrina@fa.ru

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural's branch, Chelyabinsk, Russia

² South Ural State University, Miass Branch, Miass, Russia

Abstract. The paper examines the relationship between the competitiveness indicators of municipal districts and aims to form a model of acquiring competitive advantages by municipal districts. The subject of the study is the fuzzy relationship between the economic results of the development of these territories, represented by the indicator of consumer spending, and a set of factors characterising competitive advantages. The main research method is a qualitative comparative analysis, enabling to obtain combinations of factors that provide a given result of the territory's functioning. The hypothesis of the study is that the level of economic development of a municipal district is determined by a set of competitiveness factors. The study is based on the municipal districts of the Chelyabinsk Region. The article defines the choice of competitiveness factors, the resultant indicator and the method of qualitative comparative analysis for the construction of the target function. The authors set the limits and the range of each of the five factor variables, the parameters of consistency and coverage for each model, and verify the truth of the original model, characterised by sufficiently high consistency indices. They find that the minimum values of the output variables, which characterise a low level of competitiveness of the territory, are caused by the absence of large cities on the territory of the municipal district in combination with low transport accessibility, insignificant investment activity of the territory, the absence of resort and recreational areas. The obtained model explains the reasons for competitive advantages for 14 out of 19 municipal districts of the Chelyabinsk region. The practical implications include the development of recommendations for municipal and regional authorities to improve the competitive advantages of municipal districts and the development of guidelines and tools to support them.

Keywords: municipal area, competitiveness, competitive advantages, development of competitive advantages, qualitative comparative analysis

For citation: Kopchenov A.A., Dubynina A.V., Sogrina N.S. Qualitative comparative analysis in assessing the competitiveness of municipal districts of the Chelyabinsk region. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 17–31. (In Russ.). DOI: 10.14529/em250102

Введение

Конкурентные преимущества территории в контексте данной работы рассматриваются как совокупность ресурсов либо результатов различных субъектов экономической деятельности, функционирующих в пределах территориального пространства. В сложившейся структуре административно-территориального деления регионов принято выделять две группы административных единиц: городские округа и муниципальные районы. Основными критериями разделения выступают, как правило, соотношение численности городского и сельского населения, а также экономическая специализация территории. Традиционно муниципальные районы характеризуются превлорированием аграрной специализации в структуре

экономики и более высоким процентом сельских жителей. Именно муниципальные районы являются основными поставщиками продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Именно эти продукты определяют результат функционирования муниципального района, а земельные ресурсы, наряду с другими ресурсами, формируют его экономический потенциал.

Но если проблема обеспечения продовольственной безопасности в России на сегодняшний день не является проблемной (без учета рациональной структуры потребления), то «современного уровня жизнеобеспечения сельских жителей независимо от места проживания равного с городскими условиями создать пока не удалось» (Коваленко Е.Г. с соавт., 2023).

Вопросы развития сельских муниципальных районов прямо связаны с наличием и возможностью использования ресурсов, в первую очередь земельных, человеческих и технологических. Провозглашенная более 30 лет назад ориентация на принципы рыночной экономики требует, в первую очередь, создания таких условий хозяйствования, которые способствуют раскрытию потенциала как отдельных производителей, так и территорий в целом. Территория, как место производства сельскохозяйственной продукции, должна быть обеспечена собственными ресурсами, чтобы осуществлять производство продукции наиболее эффективно, что подразумевает, в первую очередь, наличие ресурсов в рациональной пропорции. В отличие от периода 90-х годов, наблюдалось снижение численности рабочей силы в сельскохозяйственном производстве, в настоящее время остро стоит проблема привлечения трудовых ресурсов, что требует создания условий и механизмов, которые будут способствовать миграции трудоспособного населения в сельскую местность.

С другой стороны, развитие технологий производства сельскохозяйственной продукции ведет к росту производительности труда и, как следствие, к сокращению потребности в трудовых ресурсах. Поэтому обусловленность уровня экономического развития и конкурентоспособности территорий обеспеченностью трудовыми ресурсами требует эмпирического анализа. Как показывают результаты исследований (Толмачев Д.Е. с соавт., 2021), (Папракеева О.Ю., 2021), (Лялина А.В., 2023), трудовой ресурс является относительно мобильным и чувствительным к уровню развития инфраструктурной и производственной базы территории. Результатом мобильности является переток жителей в более привлекательные муниципалитеты или маятниковая миграция населения из сельских районов в городские округа. В работе Толмачева Д.Е. с соавторами (2021) в качестве фактора принимается показатель экономического или социального развития, а в качестве результата – миграционный поток. При этом обратное влияние миграционного потока на экономические результаты не оценены, хотя, если принять во внимание именно экономический интерес, стимулирующий перемещение занятых между муниципалитетами, то очевидно, что результатом приложения труда маятниковых мигрантов является также экономический результат.

Другим, не менее важным источником развития муниципальных районов, наряду с сельскохозяйственным производством, является использование природных, экологических, рекреационных преимуществ, относительной дешевизны земельных ресурсов (по сравнению с урбанизированными территориями) для как постоянного, так и временного размещения жителей на территории как с целью осуществления альтернативной сельскому

хозяйству производственной деятельности, так и отдыха, путешествий и проживания.

Уникальность условий и факторов для каждой территории не позволяет создать универсальную модель получения конкурентных преимуществ, однако, ограничиваясь относительно однородными по административно-хозяйственным, географическим, почвенно-климатическим, экономическим условиям территориями, для каждой из них можно попытаться оценить те возможности, которые территория имеет для раскрытия собственного потенциала в целях устойчивого развития. Реймер В.В., Тихонов Е.И., Кулев С.А. (2017) отмечают, что «универсального подхода к формированию конкурентных преимуществ отдельных сельских территорий быть не может», но тем более значимым представляется поиск как путей обретения данных преимуществ, так и обоснования инструментов территориальной политики, носящей системный, долгосрочный характер.

Таким образом, конкурентоспособность муниципальных районов в контексте данной работы рассматривается как возможность привлечения (также и сохранения) ресурсов и использования сформированных за счет них конкурентных преимуществ в целях социально-экономического развития. Конкурентоспособность отражает степень привлекательности территории для притока ресурсов, таких как трудовые и инвестиционные. Очевидно, что привлечение ресурсов обусловлено большей отдачей факторов конкурентоспособности на данной территории по сравнению с конкурирующими, где отдача (или экономический результат использования) факторов конкурентоспособности выражена через величину потребительских расходов.

Цель исследования: формирование модели получения конкурентных преимуществ сельских муниципальных районов. Объектом исследования явились муниципальные районы Челябинской области, предметом – нечеткие связи конечных результатов функционирования экономики данных территорий и совокупности факторов, характеризующих их конкурентные преимущества.

Гипотеза исследования заключалась в выявлении наличия обусловленности уровня экономического развития муниципального района совокупностью факторов его конкурентоспособности.

Теория и методы

В качестве основы для построения модели оценки конкурентных преимуществ выбран метод качественного сравнительного анализа, позволяющий получить комбинации факторов, которые обеспечивают получение заданного результата функционирования территории.

Качественный сравнительный анализ – Qualitative Comparative Analysis (QCA) (Ragin, 1987) – был разработан как формализованный теоретико-множественный подход к сравнительному

изучению причинно-следственных связей, необходимости и достаточности условий, основанный на средних и больших наборах кейсов. За 30 с лишним лет своего применения метод неоднократно совершенствовался как с точки зрения требований, предъявляемых к обоснованию параметров модели и исходных данных, так и применения в различных сферах научных исследований. Метод получил дальнейшее развитие. Сегодня методология качественного сравнительного анализа широко используется в исследованиях в области социальных наук: социологии (Thomann, 2022; Duller, 2022), политологии (Mello, 2013, 2021; Befani, 2016), информатики (Anton, 2022), менеджмента (Princ et al., 2020) и смежных областях.

Что касается последней из перечисленных сфер применения QCA, метод используется как бизнес-психологами (Ozgen, Sibel, Maria Lapeira, Seema Pissaris. 2021), так и экономистами (Lambert, Simon J., John R. Fairweather (2010), Daniel O'Brien & Christian-Mathias Wellbrock (2021) и др. Но общим для данных работ является попытка связать набор условий, компонентов или ресурсов производства и конечный результат производственной или бизнес-деятельности. Причем сами входные параметры модели могут иметь как количественное, так и качественное измерение. В частности, Tekic & Tekic (2021) получили макроэкономическую модель взаимосвязь между отличительными особенностями культуры и показателями инновационной деятельности на национальном уровне. В данном случае качественные параметры использованы как входные параметры модели. Daniel O'Brien & Christian-Mathias Wellbrock (2021) количественные входные параметры (например, ресурсные) сочетаются с качественными результатами – совместное создание ценностей либо совместное разрушение ценностей.

В исследовании (Ribeiro-Navarrete, et al., 2020) оценивалось влияние на рост прибыли компаний условных факторов: владение компанией и уровень образования генерального директора, а также характеристики информационных систем и технологий, применяемых в сфере управления. Установлено, что комбинации различных технологических факторов в сочетании с двумя личностными, как раз и могут положительно сказаться на росте прибыли компании. Отмечается, что метод набирает все большую популярность в исследованиях по менеджменту (Ribeiro-Navarrete, et al., 2020).

Несмотря на наличие определенных недостатков данного исследовательского метода, сочетание оценки теории с реалистичным подходом, ориентированным на конкретные кейсы, является стабильно высокоэффективным типом QCA (Thomann, 2022). Считается, что наилучший результат дают модели, которые включают небольшое количество условий (Befani, 2016). К тому же в этом случае полученные результаты гораздо легче интерпретировать.

По мнению Feurer, Baumbach & Woodside (2016), методы качественного сравнительного анализа в некоторых случаях оказываются более адекватными, чем количественный регрессионный, особенно в условиях непредсказуемых изменений. Метод позволяет не столько оценить вклад переменной в результирующую величину, сколько оценить необходимость и достаточность данного фактора. Кроме того, не все переменные могут допускать количественное измерение. Процедуры применения метода достаточно хорошо представлены в научной литературе, в частности, в работах Befani B. (2016), Rubinson C. (2019).

На макроэкономическом уровне (объектом являлись страны, находившиеся в колониальной зависимости) Decker S, Estrin S., Mickiewicz T. (2020) удалось сконфигурировать как исторические, так и географические факторы, способствующие ускоренному развитию предпринимательства в бывших колониях, что, по-видимому, является первым из примеров симбиоза исторических, географических и экономических подходов в рамках QCA.

На уровне муниципалитетов также имеется подтверждение применимости данного метода. Качественный сравнительный анализ швейцарских кантонов проведен для оценки взаимосвязи административных и институциональных факторов на разрастание поселений (Klaus, 2019). Было установлено, что муниципальная автономия и институциональная фрагментация действительно связаны с высокой степенью разрастания городов, причем данное влияние в наибольшей степени проявляется в сочетании с экономическими факторами, вызывающими конкуренцию между муниципалитетами и крупными зонами застройки. Интерес представляет также вывод автора о том, что отсутствие экономической мощи стимулирует конкуренцию между муниципалитетами, что приводит к высокой степени разрастания городов. Эти выводы служат подтверждением возможности использования метода для решения задач проводимого нами исследования.

Конкурентоспособность как экономическая категория при анализе в территориально-географическом аспекте включает несколько уровней: международный, общегосударственный и территориальный (Петрушевская В.В., 2022). При этом территориальная и региональная конкурентоспособность у автора отождествляются, хотя, на наш взгляд, при существенной дифференциации уровня экономического развития отдельных муниципальных районов и значительных размерах регионов (если таковыми считать субъекты федерации) внутри них всегда можно выделить как более, так и менее конкурентоспособные территории, даже в пределах одного и того же муниципального района.

Показатели территориальной конкурентоспособности достаточно многообразны. В частности,

И.В. Зимакова, К.А. Карташов, Н.А. Овчаренко выделяют 18 показателей, начиная с минерально-сырьевой база региона и заканчивая задолженностью по налогам и сборам в бюджетную систему Российской Федерации (Зимакова И.В., Карташов К.А., Овчаренко Н.А., 2018). Очевидно, что не все показатели применимы на уровне региона, могут быть использованы для оценки конкурентоспособности субрегиональных территорий. Однако заслуживает внимания учет, наряду с экономическими показателями, характеризующими производственную сферу и сферу потребления, также социально-демографических и финансовых показателей. В ряде исследований применяется иная структуризация факторов, причем сами факторы в совокупности характеризуются как «совокупный потенциал» территории (Дзагова С.С., 2018), «факторы дифференциации развития муниципальных образований» (Ворошилов Н.В., Губанова Е.С., 2018), а их количество находится в диапазоне двух-трех десятков.

Очевидно, что включение всех факторов в модель невозможно, даже с учетом их структуризации и ранжирования. Так, Бахматова Г.А. обосновывает определяющую роль инфраструктурного фактора в развитии сельских территорий, выделяя несколько типичных групп (кластеров), отличающихся по обеспеченности ресурсами, структуре и уровню развития производства, удаленности и транспортной доступности, такие как «логистический», «агропромышленный», «минерально-сырьевой», «туристско-рекреационный» и др. (Бахматова Г.А., 2018). В работе Губайдуллина Т.Н., Лазарчик А.И. предлагают использовать общий индикатор конкурентоспособности муниципального образования, включающий в себя три группы индикаторов: собственно конкурентоспособности (включает экономические показатели), инновационного развития (отражает научно-образовательный потенциал) и развития инфраструктуры (конкретно – транспортной) (Губайдуллина Т.Н., Лазарчик А.И., 2018).

В качестве результативных признаков, характеризующих конкурентоспособность сельских территорий, Шарапова В.М. с соавторами выделяют миграционный прирост лиц трудоспособного возраста как «интегральный показатель миграционной привлекательности территории» и «разницу между долей выбывших и прибывших в муниципальное образование» (Шарапова В.М. с соавт., 2020). Фактор же маятниковой миграции авторами не учитывался. Выбор данных показателей обусловлен, в частности, тем, что конкурентоспособность оценивалась исследователями по уровню заработной платы. Несмотря на то, что уровень заработной платы или доходов населения территории является одним из важнейших индикаторов конкурентоспособности, считаем, что в условиях мобильности населения не столько заработная

плата, сколько расходы населения определяют уровень жизни на территории, следовательно, и ее конкурентоспособность как места проживания или нахождения населения. Последний тезис нуждается в пояснении.

Во-первых, по причине того, что «на уровне муниципалитетов расчет показателей, аналогичных ВРП, в настоящий момент в муниципальной статистике не производится» (Шеломенцева, М.В., 2017), отсутствует возможность использования подобного показателя в качестве результативного признака.

В последние годы в связи с развитием фермерства потребность в трудовом ресурсе, непосредственно задействованном в сельскохозяйственном производстве, резко сократилась, значительная часть трудоспособного населения имеет работу в городе, продолжая проживать в сельской местности. Очевидно, доходы этих лиц в виде заработной платы учитываются по месту нахождения предприятия, в то время как расходы в значительной мере привязаны к месту проживания. Таким образом, в качестве критерия конкурентоспособности территории целесообразнее рассматривать уровень расходов, а не доходов населения.

Во-вторых, как показывают исследования, выполненные на примере арктических регионов Российской Федерации (Кузнецова, О.В., 2024), заработная плата сама по себе не отражает уровня доходов населения, которые могут существенно отличаться по территориям и испытывать влияние межтерриториальных ценовых диспропорций. Использование для оценки социально-экономических различий территорий индикатора «уровень жизни» населения сопряжено с рядом сложностей в силу отсутствия единообразия в понимании данного критерия различными исследователями и множества факторов, оказывающих влияние на его величину (Чугунова Н.В., Лихневская Н.В., 2019). По мнению Бражникова Г.В., лучше всего для определения и последующего анализа уровня жизни населения подходит оценка потребления (Бражников Г.В., 2006), хотя этот показатель во многом не учитывает размера теневой экономики (Schneider F., Enste D., 2002)¹. Не исключая факта наличия теневого сектора, рискнем предположить, что, по крайней мере, в пределах одного региона данный фактор в равной степени оказывает влияние на все муниципалитеты, поэтому можно пренебречь его влиянием.

В-третьих, в пользу данного критерия свидетельствует и привлекательность территории для

¹ Издание на русском языке: Фридрих Шнайдер при участии Доминика Энста. Скрываясь в тени. Рост подпольной экономики. Международный Валютный Фонд. Серия «Вопросы экономики». 2002. 18 с. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/issues/issues30/rus/issue30r.pdf>

временного нахождения населения, в частности, в целях отдыха, санаторно-курортного лечения, туризма: приезжие тратят на территории средства, заработанные вне ее пределов.

При этом выгоды от того же туризма получают не только туристические компании, гостиницы, арендодатели недвижимости, но и так называемые «смежники», которые получают выгоду от туризма, не являясь частью сферы туризма (Hall & Page, 2010). В современных российских условиях это не только организованные розничные торговцы, автозаправочные станции, но и многочисленные частные производители продуктов питания, продавцы дикоросов и др. субъекты, проживающие в местах привлечения туристов и отдыхающих.

Следует учитывать и тот факт, что сама по себе привлекательность территории не конвертируется автоматически в ее конкурентоспособность, поскольку желание посетить территорию должно обеспечиваться наличием соответствующей инфраструктуры, в том числе гостиничной и транспортной. Таким образом, наличие мест «притяжения» потенциальных временных приезжих (посетителей) территории само по себе не является конкурентным преимуществом. Доступность места прибытия (или «дестинации» в современной трактовке данного термина – Ильева Ю.М., Колядин А.П.) означает наличие транспортного сообщения, приемлемых расстояния и времени поездки. В отечественных исследованиях для характеристики транспортной доступности территории довольно широко используется показатель: плотность автомобильных дорог общего пользования местного значения с усовершенствованным покрытием (цементобетонные, асфальтобетонные и типа асфальтобетона, из щебня и гравия, обработанных вяжущими материалами), км на 1000 кв. км территории (Патракеева О.Ю. 2021), густота железнодорожных путей, густота автомобильных дорог (Губайдуллина Т.Н., Лазарчик А.И., 2018). На наш взгляд, данные показатели во многом опосредованы плотностью населения территории, что связано с ее освоенностью и сложившейся структурой занятости. Однако в настоящее время, когда и плотность населения, и уровень занятости в связи с маятниковой миграцией не отражают реального межтерриториального распределения доходов, более целесообразно использовать показатель протяженности дорог на душу населения. К тому же именно в привязке к экстерриториальной занятости (за пределами места проживания) данный показатель может отражать возможность перемещений к месту работы.

Еще одним специфическим фактором привлекательности территории в Челябинской области является наличие курортных, лечебно-оздоровительных и рекреационных зон. Они расположены вблизи крупных водоемов, лесных массивов. В последние годы в привязке к этим зонам

осуществляется активное индивидуальное строительство. Тем самым сама зона может рассматриваться как центр притяжения отдыхающих на летний сезон и место жительства занятого населения, имеющего работу в городах. В исследовании учтены только те зоны, которые входят в перечень санаториев и курортов федерального значения.

Инвестиционный фактор оценивался величиной инвестиций на душу населения (тыс. руб./чел.) по всем видам экономической деятельности. Из всей совокупности муниципальных районов только девять отразили в статистической отчетности инвестиции в сельскохозяйственное производство, что подтверждает тезис о том, что сельскохозяйственная отрасль экономики не является ведущей в большинстве муниципальных районов и не может рассматриваться в качестве конкурентного преимущества территории.

Исходные данные получены из статистического ежегодника «Челябинская область в цифрах» за 2023 г.²

Результаты

Для решения исследовательских задач на первоначальном этапе были определены факторы, которые не связаны с ресурсами сельскохозяйственного производства и результативностью производственной деятельности в сельском хозяйстве.

Одними из основных требований к факторам являлись их отражение в государственной статистике, наличие данных по всем вошедшим в выборку муниципальным районам, измеримость, простота интерпретации взаимосвязей факторных и результативных переменных. Кроме того, отобранная совокупность факторов должна соответствовать критерию новизны и не быть отраженной в результатах предыдущих исследований.

Факторные и результативные признаки представлены в табл. 1 с необходимыми пояснениями.

В выборку вошли 19 муниципальных районов. Основным критерием для попадания в выборку являлось отсутствие выраженной промышленной специализации муниципального района. Данные районы характеризуются наличием в прошлом крупных сельскохозяйственных предприятий на их территории, а также сохранением аграрной специализации большей части муниципальных образований – сельских поселений.

Не вошли в выборку муниципальные районы, в которых отсутствуют сельские поселения (Еманжелинский, Коркинский), доля городского населения в которых более 80 % (Ашинский, Катав-Ивановский, Кусинский, Саткинский), а также

² Челябинская область в цифрах: статистический ежегодник, 2024 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: https://74.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/42466 (дата обращения: 20.07.2024)

Таблица 1

Переменные, включаемые в модель

Переменная	Обозначение	Пояснения
Наличие города в муниципальном районе	CITY	Населенный пункт на территории муниципального района является городом, город не является самостоятельным муниципальным образованием (городским округом)
Наличие курортных и рекреационных зон	RES	Курортные зоны (Кисегач и Увильды) имеют федеральное значение в соответствии с Постановлением Совмина РСФСР. В расчет не принимается пропускная способность зоны
Агломерационный фактор	AGGL	Характеризует удаленность от областного центра и Магнитогорска
Общая протяженность автомобильных дорог общего пользования местного значения в расчете на душу населения, км/чел	ROAD	Рассчитывается как отношение соответствующего статистического показателя и численности жителей муниципального района
Объем инвестиций на душу населения, тыс. руб./чел.	INV	
Общий объем продаж всех продовольственных товаров на душу населения, тыс. руб./чел.	SPEND	

специализирующиеся на добыче полезных ископаемых Пластовский (с 1963 по 2004 годы носил название муниципального образования «Город Пласт») и машиностроении и лесозаготовках Нязепетровский районы. Кроме того, для Ашинского, Катав-Ивановского и Нязепетровского районов не вполне корректна оценка агломерационного фактора, поскольку расстояние от районных центров до столиц ближайших регионов (Екатеринбурга, Уфы) короче, чем до Челябинска и, тем более, до Магнитогорска.

Поскольку в качестве основного метода исследований выбран метод fsQCA, необходимо было обеспечить возможность проведения анализа взаимосвязей качественных и количественных переменных в рамках данного метода.

Для обеспечения выполнения последнего условия была проведена кодировка переменных, результаты которой представлены в табл. 2.

Специфика распределения населения по территории Челябинской области заключается в наличии двух основных центров притяжения населения – Челябинска и Магнитогорска, которые расположены друг от друга на расстоянии 310 километров и в которых проживает порядка 40 % населения области. В целом по данным статистики доля городского населения Челябинской области составляет 82,5 %, доля населения крупных городов (более 100 тыс. человек) – 60,5 %³. Традици-

онно к каждому из этих городов тяготеет группа районов, расположенная вблизи. Наличие аэропорта, крупных промышленных предприятий, образовательных, культурных и досуговых центров позволяют рассматривать эти города как относительно сопоставимые центры региона, отличающиеся численностью населения (1 186 284 жителей в Челябинске и 410 225 в Магнитогорске).

Для агломерационного фактора, который характеризует как удаленность от этих городов каждого муниципального района, так и численность их населения, потребовалось преобразование исходных данных по следующей формуле:

$$AGGL_{1,2 i} = \sum \left(\frac{N1_i}{1000 \times S1_i}; \frac{N2_i}{1000 \times S2_i} \right), \quad (1)$$

где N1, N2 – численность населения Челябинска (1) и Магнитогорска (2); S1, S2 – расстояние от центра муниципального района до Челябинска (1) и Магнитогорска (2); i – муниципальный район.

В области имеются три крупных города с населением более 100 000 человек. Копейск (147 109 человек на 1.01.2024 г.) по сути является частью Челябинской агломерации, сам является поставщиком трудовых ресурсов в город Челябинск, но и притягивает жителей Красноармейского и Еткуль-

³ Численность постоянного населения на 1 января 2024 года: Челябинская область. URL: <https://74.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A7%D0%B8%D1>

%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%2001.01.2024%20%D0%B8%20%D0%B2%20%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%BC%20%D0%B7%D0%B0%202023.pdf

Исходные данные для проведения анализа

Классификационная переменная	Факторная переменная					Результативная переменная
	CITY	RES	AGGL	ROAD	INV	
Агаповский	0	0	0,55	0,41	0,06	0,47
Аргаяшский	0	1	0,41	0,64	0,12	0,72
Брединский	0	0	0,00	0,33	0,03	0,38
Варненский	0	0	0,04	0,52	1,00	0,34
Верхнеуральский	1	1	0,16	0,57	0,51	0,65
Еткульский	0	1	0,66	0,25	0,23	0,43
Карталинский	1	0	0,03	0,47	0,09	0,61
Каслинский	1	0	0,13	0,99	0,09	1,00
Кизильский	0	0	0,07	0,87	0,00	0,20
Красноармейский	0	1	0,62	0,56	0,05	0,44
Кунашакский	0	0	0,29	0,00	0,16	0,42
Нагайбакский	0	0	0,15	0,84	0,16	0,41
Октябрьский	0	0	0,12	0,22	0,13	0,33
Сосновский	0	0	1,00	0,12	0,31	0,82
Троицкий	1	1	0,15	0,84	0,08	0,00
Увельский	0	1	0,25	0,26	0,19	0,10
Уйский	0	0	0,14	0,52	0,05	0,34
Чебаркульский	1	1	0,29	0,74	0,15	0,22
Чесменский	0	0	0,09	1,00	0,18	0,45

ского районов, выступая в роли транзитной территории с нейтральным влиянием на маятниковую миграцию. Города Миасс (160 837 человек) и Златоуст (160 367 человек) находятся в горно-лесной зоне, севернее и западнее близлежащего Чебаркульского района, Златоуст вообще не имеет общей границы с сельскими районами. По этим причинам данные города не включены в модель.

В большей части малых городов области возможности трудоустройства ограничены, поэтому данные города в лучшем случае могут привлекать жителей близлежащих сельских населенных пунктов, что отражается на внутрирайонной миграции. Включение в модель наличия города на территории муниципального района позволит отразить влияние данного фактора на результативный экономический показатель.

В табл. 3 представлены диапазоны значений переменных модели, которые затем использованы при кодировании переменных.

Модели в качественном сравнительном анализе характеризуются параметрами согласованности и покрытия. Согласованность (consistency) показывает, насколько переменная (например, X), является достаточным условием для результата (например, Y), а также характеризует включенность (inclusion), другими словами, меру включе-

ния X в Y, т. е. насколько X является подмножеством Y. Покрытие (coverage) результата Y условием X характеризует объяснение наличия результата Y фактором X, либо долю Y, объясняемую X. Очевидно, что наилучшие модели должны иметь наивысшие значения показателей согласованности и покрытия.

Возможности программного обеспечения позволяют проводить сопоставление переменных модели и визуализировать его результаты. В качестве примера на рисунке приведено поле соответствия одного из факторных признаков – инвестиций на душу населения – и результативного – потребительских расходов, измеряемых величиной объема розничных продаж для рассматриваемой совокупности муниципальных районов.

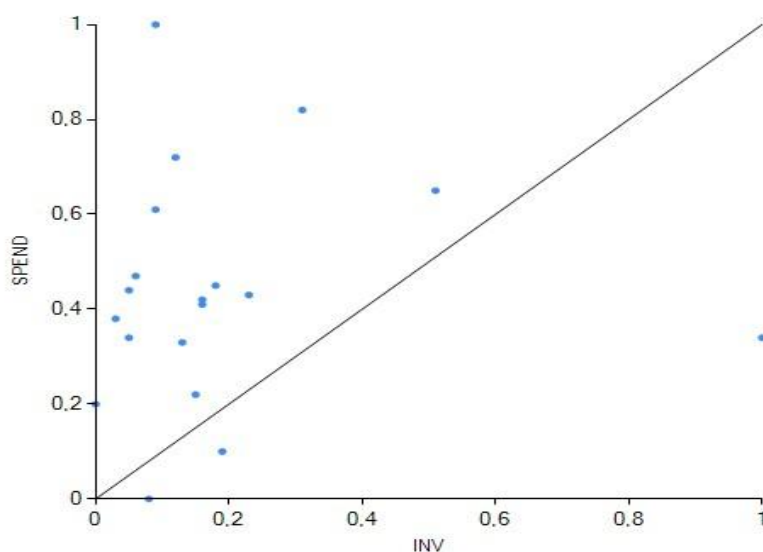
Визуализация позволяет наглядно оценивать параметры согласованности и покрытия, но в силу ограниченности объема данной статьи здесь не приводится подробный анализ сопоставления всех переменных.

С учетом выбора факторных признаков уточненная гипотеза исследования сформулирована следующим образом: на показатели уровня экономического развития муниципального района оказывают положительное влияние факторы наличия на территории города рекреационной и курортной

Таблица 3

Диапазон наблюдений (значений переменных)

Переменная	Минимум	Максимум	Диапазон
CITY	0	1	1
RES	0	1	1
AGGL	5,10	41,92	36,82
ROAD	0,0104	0,0224	0,0119
INV	3,321	268,307	264,986
SPEND	23,584	91,435	67,852

Взаимосвязь удельных показателей инвестиций и розничных продаж
(в кодированных значениях переменных)

зоны, агломерации, транспортная доступность, характеризуемая протяженностью дорог, и объемы инвестиций.

Проверка гипотезы заключается в проверке истинности уравнения:

$$SPEND \rightarrow CITY * RES * AGGL * ROAD * INV. \quad (2)$$

Для выполнения анализа был использован программный продукт TOSMANA.

В результате обработки данных получена следующая таблица истинности (табл. 4).

Муниципальные районы объединены в 11 групп, для каждой из которых характерны сходные зависимости анализируемых факторов. Тем не менее, в таблице представлены и противоречивые результаты, которые отражают влияние на результирующий показатель как наличия (или более высокого значения показателя), так и отсутствия (или более низкого значения) признака.

Основные комбинации (сочетания факторов) представлены в табл. 5.

В результате получена следующая модель:

$$\begin{aligned} \sim SPEND \rightarrow & \sim CITY * \sim ROAD * \sim INV + \\ & + \sim CITY * RES * \sim INV + \sim RES * \sim AGGL * \sim INV + \\ & + \sim CITY * \sim RES * \sim AGGL * ROAD + \\ & + CITY * RES * \sim AGGL * ROAD. \end{aligned} \quad (3)$$

В целом модель характеризуется достаточно высоким показателем согласованности (0,6660) и высокой степенью покрытия (0,9569).

Две последних комбинации факторов в модели отражают противоречивое влияние на результирующий показатель наличия города и курортно-рекреационных зон на территории муниципального района. С целью исключения данного противоречия, а также учитывая, что наличие курортно-рекреационных зон встречается с противоположными значениями попарно в двух комбинациях, принято решение исключить данный фактор из дальнейшего анализа. В пользу данного решения говорит и факт влияния данного фактора исключительно в комбинации, как минимум, с двумя или тремя другими факторами, что свидетельствует об отсутствии выраженного влияния данного фактора на результирующий показатель.

Таблица 4

Таблица истинности

TERR	Cons.*	CITY	RES	AGGL	ROAD	INV	~SPEND
Брединский, Кунашакский, Октябрьский	0,9142	0	0	0	0	0	1
Кизильский, Нагайбакский, Уйский, Чесменский	0,8529	0	0	0	1	0	1
Варненский	1,0000	0	0	0	1	1	1
Агаповский, Сосновский	0,7363	0	0	1	0	0	1
Увельский	0,9560	0	1	0	0	0	1
Аргаяшский	0,7905	0	1	0	1	0	1
Еткульский	0,9006	0	1	1	0	0	1
Красноармейский	0,9116	0	1	1	1	0	1
Карталинский	0,7222	1	0	0	0	0	1
Каслинский	0,2910	1	0	0	1	0	1
Троицкий, Чебаркульский	0,9314	1	1	0	1	0	1
Верхнеуральский	0,7838	1	1	0	1	1	1

* Уровень согласованности

Таблица 5

Согласованность комбинаций переменных

Комбинации переменных	Согласованность
~CITY * ~ROAD * ~INV	0,8115
~CITY * ~AGGL * ~INV	0,7838
~AGGL * ROAD * ~INV	0,7756
~CITY * RES * ~INV	0,6510
~RES * ~AGGL * ~INV	0,6452
~CITY * ~RES * ~AGGL * ROAD	0,8528
CITY * RES * ~AGGL * ROAD	0,8962

Указанное преобразование позволяет получить несущественно менее согласованное (показатели согласованности и степени покрытия равны, соответственно, 0,6448 и 0,9578), но упрощенное решение, которое легко может быть интерпретировано:

$$\sim\text{SPEND} \rightarrow \sim\text{CITY} * \sim\text{INV} + \sim\text{AGGL} * \sim\text{INV} + \sim\text{AGGL} * \text{ROAD}. \quad (4)$$

Оставшиеся четыре переменные вошли в скорректированную модель, что позволяет рассматривать данные факторы в качестве взаимосвязанных с результативным показателем.

Данная модель может быть интерпретирована следующим образом. Минимальные значения розничных продаж на душу населения, которые характеризуют невысокий уровень социально-экономического развития территории, обусловлены комбинацией следующих факторов: отсутствия городов на территории муниципального района в сочетании с незначительной инвестиционной ак-

тивностью территории, удаленностью от городских агломераций в сочетании с незначительной инвестиционной активностью, а также удаленностью от городских агломераций в сочетании с высокой удельной протяженностью дорог). Первому условию соответствуют 13 муниципальных районов из 19, второму – 14, третьему – 11, первому и второму – 9, второму и третьему – 8, трем условиям одновременно – 5. Все муниципальные районы оказались включенными в модель.

Влияние инвестиционного фактора на показатели конкурентоспособности территории согласуются, в частности, с результатами более ранних исследований конкурентоспособности регионов (Зимакова И.В., Карташов К.А., Овчаренко Н.А., 2018), что позволяет сделать вывод об общих для регионов и муниципалитетах зависимостях. Наличие города в муниципальном районе положительно влияет на конкурентоспособность последнего, что согласуется с результатами исследований,

проведенных ранее в Смоленской области (Шеломенцева М.В., 2017). В настоящем исследовании показано совместное влияние этих двух факторов.

Обращает на себя внимание факт обратного влияния показателя удельной протяженности дорог на уровень потребительских расходов, что не подтверждает наше предположение о наличии прямой связи между данными показателями. Объяснение может заключаться в том, что низкие значения показателя удельной протяженности дорог в муниципальном районе обусловлены низкой плотностью населения, которая, в свою очередь, может явиться следствием оттока населения с непривлекательной территории. Однако данная гипотеза требует анализа динамики численности населения, что выходит за рамки настоящего исследования. При этом представляет интерес не только данная динамика, но и другие характеристики транспортной доступности муниципальных районов, в том числе, и с сопредельных территорий, что может рассматриваться в качестве перспективной для изучения темы.

С другой стороны, влияние агломерационного фактора также в определенном смысле отражает транспортную доступность территории, но только не «внутрирайонную», а «внутрирегиональную», что напрямую влияет на конкурентоспособность муниципального района: чем ближе он расположен к одной или двум городским агломерациям, тем выгоднее его положение.

Выводы

Таким образом, полученная модель конкурентоспособности муниципальных районов демонстрирует обусловленность уровня социально-экономического развития муниципального района совокупностью таких факторов, как агломе-

рационный, инвестиционный, наличие на территории муниципального района города, транспортная доступность. В отличие от известных работ, впервые рассмотрена комбинация перечисленных факторов.

Для региональных властей в целях пропорционального территориального развития первоочередной задачей является решение социально-экономических проблем удаленных территорий, преимущественно с сельским населением, характеризующихся низкой инвестиционной активностью, для которых необходимо разработать целевые программы, способствующие развитию данных территорий. Консолидация интересов отдельных муниципальных районов должна поддерживаться органами региональной власти через формирование устойчивых экономических или социальных связей, расширение межмуниципальных потоков ресурсов и продуктов. Это позволит привлечь как бизнес, так и потенциальных внешних покупателей товаров и услуг данных территорий, создать дополнительные рабочие места, повысить уровень благосостояния населения.

Региональные программы социально-экономического развития муниципальных районов и меры их поддержки за счет федерального и регионального бюджетов требуют дифференцированного подхода к выбору реципиентов такой поддержки с учетом достигнутого уровня их конкурентоспособности. В целях выравнивания уровня конкурентоспособности целесообразно большее внимание уделять менее успешным территориям, если же целью региональной политики является формирование «точек роста», целесообразно их создавать на базе наиболее конкурентоспособных муниципальных районов.

Список литературы

1. Anton Eduard, Thuy Duong Oesterreich, Frank Teuteberg. The property of being causal – The Conduct of Qualitative Comparative Analysis in Information Systems Research // *Information & Management*. 2022. Vol. 59, iss. 3. P. 103619.
2. Befani Barbara. Pathways to Change: Evaluating Development Interventions with Qualitative Comparative Analysis (QCA). Rapport 2016:05 till Expertgruppen för biståndsanalys (EBA) Stockholm, Elanders Sverige AB. 2016. URL: https://eba.se/wp-content/uploads/2016/07/2016_05_QCA_webb-Tillganp.pdf (accessed: 23 June 2024)
3. Daniel O'Brien & Christian-Mathias Wellbrock. How the Trick is Done – Conditions of Success in Entrepreneurial Digital Journalism // *Digital Journalism*. 2021. DOI: 10.1080/21670811.2021.1987947
4. Decker S., Estrin S., Mickiewicz T. The Tangled Historical Roots of Entrepreneurial Growth Aspirations // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2020. Vol. 14. P. 616–638. DOI: 10.1002/sej.1348638
5. Duller, Matthias. Regime and Sociology: A Comparative History of Sociology in Postwar Europe with Qualitative Comparative Analysis // *Social Science History*. 2022. Vol. 46, iss. 1. P. 143–172. DOI: 10.1017/ssh.2021.37
6. Feurer S.E. Baumbach, Woodside A.G. Applying configurational theory to build a typology of ethnocentric consumers // *Int. Market. Rev.* 2016. Vol. 33, no. 3. P. 351–375.
7. Hall Colin & Page Stephen. The Contribution of Neil Leiper to Tourism Studies // *Current Issues in Tourism*, 2010. Vol. 13, no. 4. P. 299–309. DOI: 10.1080/13683500.2010.482652.
8. Klaus Jacopo. Do Municipal Autonomy and Institutional Fragmentation Stand in the Way of Antisprawl Policies? A Qualitative Comparative Analysis of Swiss Cantons // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. 2019. Vol. 47, iss. 9. P. 1–17. DOI: 10.1177/2399808319833377

9. Lambert Simon J., John R. Fairweather. The Socio-technical Networks of Technology Users' Innovation in New Zealand: A Fuzzy-set Qualitative Comparative Analysis // Research Report. 2010. No. 320. 85 p.
10. Mello Patrick A. From Prospect to Practice: A Critical Review of Applications in Fuzzy-Set Qualitative Comparative Analysis // Paper prepared for presentation at the 8th Pan-European Conference on International Relations. Warsaw, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2349513> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2349513> (accessed: 28 May 2023)
11. Mello Patrick A. Qualitative Comparative Analysis: An Introduction to Research Design and Application, Washington, DC: Georgetown University Press, 2021.
12. Ozgen Sibel, Maria Lapeira, Seema Pissaris. I Got This! Resource Bundles and Adversity: A Situated Entrepreneurial Optimism Perspective // Journal of Business Research. 2021. Vol. 136. P. 127–136. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.07.018
13. Primc Kaja, Barbara Kalar, Renata Slabe-Erker, Miha Dominko, Marko Ogorevc. Circular Economy Configuration Indicators in Organizational Life Cycle Theory // Ecological Indicators. 2020. Vol. 116. 106532. DOI: 10.1016/j.ecolind.2020.106532
14. Ragin Charles C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.
15. Ribeiro-Navarrete Belén; Dolores Botella-Carrubi; María Rodríguez-García; Javier Sendra; Helena Mogorrón-Guerrero. Using a Configurational Approach to Understand Information and Technologies in Human Resources Management // 2020 International Conference on Technology and Entrepreneurship – Virtual (ICTE-V). IEEE, 20–21 April 2020. DOI: 10.1109/ICTE-V50708.2020.9113782
16. Rubinson Claude. Presenting Qualitative Comparative Analysis: Notation, Tabular Layout, and Visualization // Methodological Innovations. May–August 2019. P. 1–22. DOI: 10.1177/2059799119862110
17. Schneider F., Enste D. Hiding in the Shadows: the Growth of the Underground Economy. Wash.: Intern. Monetary Fund, 2002. 16 p.
18. Tekic Anja, Zeljko Tekic. Culture as Antecedent of National Innovation Performance: Evidence from Neo-configurational Perspective // Journal of Business Research. 2021. Vol. 125. P. 385–396. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.12.014
19. Thomann Eva, Jörn Ege, Ekaterina Paustyan (2022). Approaches to Qualitative Comparative Analysis and Good Practices: A Systematic Review // Swiss Political Science Review. 2022. Vol. 28, iss. 3. P. 557–580. DOI: 10.1111/spsr.12503
20. Бахматова Г.А. Дифференциация сельских территорий для повышения конкурентоспособности // Островские чтения. 2018. № 1. С. 54–58.
21. Бражников Г.В. Дифференциация уровня и качества жизни народонаселения России // Народонаселение. 2006. № 4. С. 93–99.
22. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Дифференциация территорий и механизм ее снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4
23. Губайдуллина Т.Н., Лазарчик А.И. Конкурентоспособность как основное условие устойчивого развития муниципальных территорий // Казанский экономический вестник. 2018. № 6 (38). С. 21–24.
24. Дзагова С.С. Методика комплексной оценки дифференциации пространственного развития муниципальных территорий // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 1. С. 43–51.
25. Зимакова И.В., Карташов К.А., Овчаренко Н.А. Социально-экономическое развитие региона как результат инфраструктурной обеспеченности и конкурентоспособности территории // Экономика устойчивого развития. 2018. № 4 (36). С. 192–197.
26. Ильяева Ю.М. Развитие устойчивой дестинации как инструмент повышения конкурентоспособности территории // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 7А. С. 35–41. DOI: 10.34670/AR.2023.72.65.004
27. Коваленко Е.Г., Якимова О.Ю., Зиганшин Б.Г., Газетдинов Ш.М. Механизмы решения демографических проблем устойчивого развития сельских территорий // Вестник Казанского ГАУ. 2023. № 2(70). С. 168–177.
28. Колядин А.П. «Туристская дестинация» как комплексная модель и управляемая социально-экономическая территориальная система // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2018. Т. 6, № 10(26). С. 207–213.
29. Кузнецова О.В. Экономическая дифференциация и восприимчивость муниципалитетов российской Арктики к федеральным преференциальным режимам // Экономика региона. 2024. № 20(2). С. 462–476. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-8
30. Лялина А.В. Внутрорегиональная миграция как фактор динамики численности населения муниципальных образований Калининградской области // Региональные исследования. 2023. № 3. С. 65–80. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-3-6

31. Патракеева О.Ю. Оценка влияния инфраструктурной обеспеченности на пространственное социально-экономическое развитие региона // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем. 2021. Т. 1, № 6. С. 285–290. DOI: 10.23885/2500-395X-2021-1-6-291-285-290
32. Петрушевская В.В. Конкурентоспособность региона: основные подходы к развитию // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2022. Т. 16, № 4. С. 72–80. DOI: 10.14529/em220408
33. Реймер В.В., Тихонов Е.И., Кулев С.А. К вопросу о повышении конкурентоспособности сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 6. С. 84–89.
34. Толмачев Д.Е., Кузнецов П.Д., Ермак С.В. Методика выделения границ агломераций на основе статистических данных // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 1. С. 44–58. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-4.
35. Чугунова Н.В. Лихневская Н.В. Пространственная дифференциация уровня жизни населения как отражение диспропорций социально-экономического развития (на примере Белгородской области) // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 3. С. 28–40.
36. Шарапова В.М., Борисов И.А., Шарапова Н.В., Шарапов Ю.В. Оценка конкурентоспособности сельских территорий Уральского экономического района по заработной плате // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2020. № 4 (63). С. 209–214.
37. Шеломенцева М.В. Сравнительная оценка дифференциации территорий по состоянию социально-экономической системы // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2017. № 2 (29). С. 98–103.

References

1. Anton Eduard, Thuy Duong Oesterreich, Frank Teuteberg. The property of being causal – The Conduct of Qualitative Comparative Analysis in Information Systems Research. *Information & Management*, 2022, vol. 59, iss. 3, p. 103619.
2. Befani Barbara. *Pathways to Change: Evaluating Development Interventions with Qualitative Comparative Analysis (QCA)*. Rapport 2016:05 till Expertgruppen för biståndsanalys (EBA) Stockholm, Elanders Sverige AB. 2016. URL: https://eba.se/wp-content/uploads/2016/07/2016_05_QCA_webb-Tillganp.pdf (accessed: 23 June 2024)
3. Daniel O'Brien & Christian-Mathias Wellbrock. How the Trick is Done – Conditions of Success in Entrepreneurial Digital Journalism. *Digital Journalism*, 2021. DOI: 10.1080/21670811.2021.1987947
4. Decker S., Estrin S., Mickiewicz T. The Tangled Historical Roots of Entrepreneurial Growth Aspirations. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 2020, vol. 14, pp. 616–638. DOI: 10.1002/sej.1348638
5. Duller Matthias. Regime and Sociology: A Comparative History of Sociology in Postwar Europe with Qualitative Comparative Analysis. *Social Science History*, 2022, vol. 46, iss. 1, pp. 143–172. DOI: 10.1017/ssh.2021.37
6. Feurer S.; Baumbach E.; Woodside A.G. Applying configurational theory to build a typology of ethnocentric consumers. *Int. Market. Rev.*, 2016, vol. 33, no. 3, p. 351–375.
7. Hall Colin & Page Stephen. The Contribution of Neil Leiper to Tourism Studies. *Current Issues in Tourism*, 2010, vol. 13, no. 4, pp. 299–309. DOI: 10.1080/13683500.2010.482652.
8. Klaus Jacopo. Do Municipal Autonomy and Institutional Fragmentation Stand in the Way of Antisprawl Policies? A Qualitative Comparative Analysis of Swiss Cantons. *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, 2019, vol. 47, iss. 9, pp. 1–17. DOI: 10.1177/2399808319833377
9. Lambert Simon J., John R. Fairweather. The Socio-technical Networks of Technology Users' Innovation in New Zealand: A Fuzzy-set Qualitative Comparative Analysis. *Research Report*, 2010, no. 320. 85 p.
10. Mello Patrick A. From Prospect to Practice: A Critical Review of Applications in Fuzzy-Set Qualitative Comparative Analysis. *Paper prepared for presentation at the 8th Pan-European Conference on International Relations*, Warsaw, 18–21 September 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2349513> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2349513> (accessed: 28 May 2023)
11. Mello Patrick A. *Qualitative Comparative Analysis: An Introduction to Research Design and Application*. Washington, DC: Georgetown University Press, 2021.
12. Ozgen Sibel, Maria Lapeira, Seema Pissaris. I Got This! Resource Bundles and Adversity: A Situated Entrepreneurial Optimism Perspective. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 136, pp. 127–136. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.07.018
13. Primc Kaja, Barbara Kalar, Renata Slabe-Erker, Miha Dominko, Marko Ogorevc. Circular Economy Configuration Indicators in Organizational Life Cycle Theory. *Ecological Indicators*, 2020, vol. 116, 106532. DOI: 10.1016/j.ecolind.2020.106532
14. Ragin Charles C. *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley, CA: University of California Press, 1987.

15. Ribeiro-Navarrete Belén; Dolores Botella-Carrubi; María Rodríguez-García; Javier Sendra; Helena Mogorrón-Guerrero. Using a Configurational Approach to Understand Information and Technologies in Human Resources Management. *2020 International Conference on Technology and Entrepreneurship – Virtual (ICTE-V)*. IEEE, 20–21 April 2020. DOI: 10.1109/ICTE-V50708.2020.9113782
16. Rubinson Claude. Presenting Qualitative Comparative Analysis: Notation, Tabular Layout, and Visualization. *Methodological Innovations*, 2019, pp. 1–22. DOI: 10.1177/2059799119862110
17. Schneider F., Enste D. *Hiding in the Shadows: the Growth of the Underground Economy*. Wash.: Intern. Monetary Fund, 2002. 16 p.
18. Tekic Anja, Zeljko Tekic. Culture as Antecedent of National Innovation Performance: Evidence from Neo-configurational Perspective. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 125, pp. 385–396. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.12.014
19. Thomann Eva, Jörn Ege, Ekaterina Paustyan. Approaches to Qualitative Comparative Analysis and Good Practices: A Systematic Review. *Swiss Political Science Review*, 2022, vol. 28, iss. 3, pp. 557–580. DOI: 10.1111/spsr.12503
20. Bakhmatova G.A. Differentiation of Rural Territories to Increase Competitiveness. *Ostrovskie chteniya [Ostrovsky Readings]*, 2018, no. 1, pp. 54–58. (In Russ.)
21. Brazhnikov G.V. Differentiation of the Level and Quality of Life of the Russian Population. *Narodonaselenie [Population]*, 2006, no. 4, pp. 93–99. (In Russ.)
22. Voroshilov N.V., Gubanova E.S. Differentiation of Territories and the Mechanism of its Reduction. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 57–72. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4
23. Gubaydullina T.N., Lazarchik A.I. Competitiveness as the Main Condition for the Sustainable Development of Municipal Territories. *Kazanskiy ekonomicheskiy vestnik [Kazan Economic Bulletin]*, 2018, no. 6 (38), pp. 21–24. (In Russ.)
24. Dzagova S.S. Methodology of Integrated Assessment of Differentiation of Spatial Development of Municipal Territories. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*, 2018, no. 1, pp. 43–51. (In Russ.)
25. Zimakova I.V., Kartashov K.A., Ovcharenko N.A. Socio-economic Development of the Region as a Result of Infrastructural Security and Competitiveness of the Territory. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya [Economics of sustainable development]*, 2018, no. 4 (36), pp. 192–197. (In Russ.)
26. Il'yaeva Yu.M. Development of a Sustainable Destination as a Tool to Increase the Competitiveness of the Territory. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow]*, 2023, vol. 13, no. 7A, pp. 35–41. (In Russ.) DOI: 10.34670/AR.2023.72.65.004
27. Kovalenko E.G., Yakimova O.Yu., Ziganshin B.G., Gazetdinov Sh.M. Mechanisms for Solving Demographic Problems of Sustainable Rural Development. *Vestnik Kazanskogo GAU [Bulletin of the Kazan State Agrarian University]*, 2023, no. 2(70), pp. 168–177. (In Russ.)
28. Kolyadin A.P. “Tourist Destination” as a Complex Model and a Managed Socio-economic Territorial System. *Nauchno-prakticheskiy elektronnyy zhurnal «Alleya Nauki» [Scientific and Practical Electronic Journal “Alley of Science”]*, 2018, vol. 6, no. 10(26), pp. 207–213. (In Russ.)
29. Kuznetsova O.V. Economic Differentiation and the Susceptibility of Municipalities in the Russian Arctic to Federal Preferential Regimes. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 2024, no. 20(2), pp. 462–476. (In Russ.) DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-8
30. Lyalina A.V. Intra-regional Migration as a Factor of Population Dynamics in the Municipalities of the Kaliningrad Region. *Regional'nye issledovaniya [Regional studies]*, 2023, no. 3, pp. 65–80. (In Russ.) DOI: 10.5922/1994-5280-2023-3-6
31. Patrakeeva O.Yu. Assessment of the Impact of Infrastructural Security on the Spatial Socio-economic Development of the Region. *Ekologiya. Ekonomika. Informatika. Seriya: Sistemnyy analiz i modelirovaniye ekonomicheskikh i ekologicheskikh sistem [Ecology. Economy. Computer Science. Series: System Analysis and Modeling of Economic and Ecological Systems]*, 2021, vol. 1, no. 6, pp. 285–290. (In Russ.) DOI: 10.23885/2500-395X-2021-1-6-291-285-290
32. Petrushevskaya V.V. Regional competitiveness: main approaches to development. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 72–80. (In Russ.). DOI: 10.14529/em220408
33. Reymer V.V., Tikhonov E.I., Kulev S.A. On the Issue of Increasing the Competitiveness of Rural Areas. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii [Economics of Agriculture of Russia]*, 2017, no. 6, pp. 84–89. (In Russ.)

34. Tolmachev D.E., Kuznetsov P.D., Ermak S.V. Methodology for Identifying Agglomeration Boundaries Based on Statistical Data. *Ekonomika regiona* [Economy of regions], 2021, vol. 17, iss. 1, pp. 44–58. (In Russ.) DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-4.

35. Chugunova N.V. Likhnevskaya N.V. Spatial Differentiation of the Standard of Living of the Population as a Reflection of the Imbalances of Socio-economic Development (on the Example of the Belgorod Region). *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 2019, no. 3, pp. 28–40. (In Russ.)

36. Sharapova V.M., Borisov I.A., Sharapova N.V., Sharapov Yu.V. Assessment of the Competitiveness of Rural Territories of the Ural Economic District in Terms of Wages. *Vestnik Michurinskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Michurinsk State Agrarian University], 2020, no. 4 (63), pp. 209–214. (In Russ.)

37. Shelomentseva M.V. Comparative Assessment of the Differentiation of Territories According to the State of the Socio-economic System. *Vektor Nauki TGU. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vector of Science of TSU. Series: Economics and Management], 2017, no. 2 (29), pp. 98–103. (In Russ.)

Информация об авторах

Копченов Алексей Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Экономика, финансы и управление», Уральский филиал Финуниверситета, Челябинск, Россия; профессор кафедры «Автомобилестроение», Южно-Уральский государственный университет, филиал в г. Миассе, Миасс, Россия; a.a.kopchenov@yandex.ru

Дубынина Анна Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика, финансы и управление», Уральский филиал Финуниверситета, Челябинск, Россия; avdubynina@fa.ru

Согрина Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, финансы и управление», Уральский филиал Финуниверситета, Челябинск, Россия; nssogrina@fa.ru

Information about the authors

Alexei A. Kopchenov, DSc (Economics), Professor at the Economics, Finance and Management Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural's branch, Chelyabinsk; Professor at the Automobile Construction Department, South Ural State University, Miass Branch, Miass, Russia; a.a.kopchenov@yandex.ru

Anna V. Dubynina, PhD (Economics), Associate Professor at the Economics, Finance and Management Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural's branch, Chelyabinsk, Russia; avdubynina@fa.ru

Natalia S. Sogrina, PhD (Economics), Associate Professor at the Economics, Finance and Management Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ural's branch, Chelyabinsk, Russia; nssogrina@fa.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2025

The article was submitted 10.03.2025